

Герои литературы модерна зачастую переживают экзистенциальный кризис. Такие герои есть и у Фатиха Амирхана. Экзистенциальный конфликт испытывают персонажи пьесы «Неравные». Двадцати девятилетний студент Мустафа, герой небольшого рассказа «Картайдым!» («Постарел!»), утрачивает все прежние идеалы и, не находя новых, восклицает: «Проклинаю тебя, жизнь!» Такие же чувства переживает и повествователь в предлагаемом вашему вниманию рассказе Амирхана «Бер хәрәбәдә» («Среди развалин»).

В нём читатель не найдёт ни острых перипетий, ни открытых столкновений между героями, ни пространных философских монологов. Всё внимание сосредоточено на внутренних ощущениях повествователя и многочисленных деталях, создающих эмоциональную ауру рассказа.

Рассказ этот – один из самых ярких образцов модернистской прозы в татарской литературе начала XX века. Даём его в переводе на русский язык специально для «Казанского альманаха».

рассказ

Фатих Амирхан

Среди развалин

ТАРАНТАС остановился у ворот каменного двухэтажного дома. Минуты две-три я сидел в замешательстве:

– Не перепутал ли чего? Точно ли это дом Сулеймана-абзый?

Лет пять назад, когда я жил в этом городе, дом выглядел совсем иначе. Он не был таким испещрённым, мрачным, стёкла окон не были разбиты, карнизы были целы.

Заметив на закрытых наглухо воротах с обсыпавшейся штукатуркой жестяную табличку (она еле держалась на

одном гвозде), я понял, что не ошибся. Если внимательно присмотреться, с одной её стороны можно было прочитать: «...Сулеймана...».

Я сошёл с тарантаса и ещё несколько минут всматривался в дом. Своим видом, запустением, разрухой, покрытыми пылью мутно-зеленоватыми оконными стёклами этот построенный в старинном стиле, некогда богато и изящно обустроенный дом омрачал мою душу. Я почувствовал тоску, на сердце стало тяжело.

С тягостным чувством я подошёл к воротам. Когда-то постоянно открытые настежь, сейчас они были заперты изнутри. Я потянул за старую, пыльную, немного разбухшую верёвку звонка и стал вслушиваться в раздававшийся во дворе звук колокольчика: голос его показался мне тоскливым, хриплым, состарившимся. Через несколько минут послышался старческий кашель, а спустя ещё немного времени древние ворота со скрежетом, как будто нехотя, открылись. Передо мной стояла высокая старуха с бельмом на одном глазу. Вид у неё был устрашающий. Она подробно расспросила меня, кто я, и только после этого впустила внутрь.

Ограждённый высоким забором, широкий каменный двор зарос травой. Когда-то здесь не прекращался людской шум – сейчас же он был погружён в какую-то таинственную, тягостную тишину. Сарай с покосившимися дверями, амбарные крыши с прохудившейся местами кровлей, старый колодец, завалившийся забор сада – всё это придавало безжизненному двору какой-то неприглядный и заброшенный вид.

После того как я оказался во дворе, высокая, похожая на призрак старуха, кашляя, закрыла ворота и, не говоря ни слова, вновь с ног до головы оглядела меня. Каменный забор, запертые тяжёлые ворота и эта старуха, как будто отделяли меня от полного жизни мира, от всех людей. Оставшись в заброшенном дворе наедине с этой страшной старухой, я почувствовал испуг и поспешил к дверям дома. Когда-то ладная, сияющая чистотой, сейчас почерневшая и грязная, дверь, казалось, плакала, глядя на ведущие к ней позеленевшие и покосившиеся ступени. Только я решил ступить на одну из них, как позади себя услышал:

– Стой, туда нельзя!

Не поднимая головы, старуха прошла вперёд меня, и, словно перешёп-

тываясь со своими чертями, скрипучим голосом произнесла: «На этой стороне никто уже давно не живёт. Туда повадилась бичура».

От этих слов на сердце стало холодно. А ведь в памятные мне времена там жили ангелы.

Какими-то своими тропами старуха привела меня к полуразрушенной двери, затем последовал грязный коридор с разбитым паркетом. Миновав его, мы очутились в комнате с высокими потолками и большими окнами. Несмотря на размеры окон, комната казалась мрачной. В полумраке одного из углов я заметил лежавшего на широкой кровати человека. Услышав мои шаги, он немного приподнялся и в ответ на моё приветствие испуганно спросил:

– Кто это?

Я подошёл поближе – вид лежавшего на кровати человека смутил меня. Это был болезненно-худой и слепой старик.

– Сулейман-абзый, это вы? – обратился я к нему, и в этот момент мой собственный голос показался мне чужим.

Надо же! Всего лишь за пять лет этот здоровый, красивый старик состарился на сто лет, ослеп!

Долго оставаться рядом с Сулейманом-абзый я не мог, он не узнал меня. Я представился, попытался рассказать ему о близком знакомстве с его семьёй лет пять назад. Он ничего не понимал. Я начал спрашивать о жене, дочери. Старик долго не отвечал, потом, несколько раз всхлипнув, заплакал:

– Их уже нет!

– Где же они? – спросил я удивлённо.

Старик ответил тем же всхлипывающим голосом (губы его при этом дрожали, лицо исказилось, руки тряслись):

– Их уже нет.

После, словно в помешательстве, он начал говорить о том, что в дом повадилась бичура, а по четвергам призрак

его дочери Асьмы выходит из могилы, стучится в окна и бродит по двору.

От этих слов дрожь пробежала по всему моему телу, на коже проступили мурашки, сердце сжалось от страха, заныло. Я не верил в существование бичуры и призраков, но сказанные слова страшными образами ожили перед моими глазами.

Бичура!.. Призрак Асьмы, моей Асьмы, с которой мы были дружны!

Я поспешил оставить старика. Эта неуютная тёмная комната в старинном каменном доме, старинная, непомерно большая кровать, лежащий на ней и бредящий то бичурой, то призраками слепой старик наполнили моё сердце какой-то тревогой.

Ощущая давящую душу тоску, с тяжёлым чувством я вышел во двор. Не сознавая, что делаю, пошёл к саду в надежде, что своей красотой, цветущим видом он рассеет мои тягостные чувства. Таким этот сад остался в моей памяти, он запечатлелся в ней, как что-то светлое, лучистое. Пять лет назад, в такие же летние дни, этот сад был полон цветов, в нём без умолку пели соловьи, раздавались шумные голоса двух дочерей Сулеймана-абзый и бесконечных гостей. Длинный, невообразимо широкий, этот возделывавшийся с давних времён сад с растущими в нём старыми деревьями до сей поры оставался в моей памяти таким же цветущим.

Открыв старую, покосившуюся дверь, я вошёл в сад. Первый же мой шаг безжалостно разрушил воскресшие в душе красочные воспоминания: куда-то исчезли аккуратные глиняные дорожки, на их месте вперемешку росли крапива и лопух, и каждый шаг среди них омрачал мою душу.

Я жадно осматривался вокруг, надеясь увидеть прежние цветы... Но мой взгляд наталкивался лишь на невзрачные, покрытые паутиной заросли, ре-

пейник с торчащими в разные стороны колючками.

Вон полусгнившая, разрушившаяся с одной стороны скамейка! Когда-то она была красивой, ухоженной...

Почувствовав всем телом, всей душой усталость от этих видов, я присел на ещё целую сторону этой скамьи. С находившегося за ней дерева вспорхнули и стали кружить вороны, наполнив весь сад своим противным карканьем.

А было время на ветвях этого дерева заливались соловьи!

Один из таких дней до сих пор не уходит из моей памяти. Была весна, по всему саду разливались ароматы цветов, смешиваясь с запахом цветущей вишни. Отовсюду доносились весёлые жизнерадостные голоса молодых гостей. Всё вокруг было наполнено каким-то удивительным блаженством. Помню, как мы с Асьмой, оставив собравшихся гостей, уединились на этой скамейке. Это старое дерево стояло на том же месте, что и сейчас, но тогда на нём не гнездились вороны...

– Глядите-ка, Асьма, вы совсем устали, утомились. Садитесь, отдохните...

Это был час, когда на небе уже забрезжил рассвет. В предрассветных сумерках я видел её пронзительно-голубые глаза, один из которых был прикрыт огненно-жёлтой прядью вьющихся волос. Глаза её были радостны, оживлённы.

В тот миг, в тот самый миг где-то в ветвях стоявшего позади дерева послышалось пение соловья.

– Вон идёт Богданов с Фахриёй-апа! Давайте спрячемся от них, чтобы нас не увидели!

С этими словами Асьма вскочила со скамьи, и мы скрылись на одной из расположенных неподалёку тропинок.

Эти воспоминания, словно забываемые сновидения, промелькнули перед моими глазами. Было ли это всё явью или только приснилось мне? Не-

много посидев, я поднялся со старой скамьи и пошёл искать беседку, которая некогда находилась где-то в центральной части сада.

Когда-то в той беседке кипела жизнь. Сейчас же я увидел здесь разруху: войти в заросшую крапивой беседку было невозможно. Не дойдя до неё, я остановился и с грустью стал смотреть на дверь. Если бы эта дверь могла говорить, то поведала мне о бывавших здесь людях, о протекавшей здесь жизни, и я бы, упав на землю, зарыдал.

Помню как сейчас: пять лет назад в один из вечеров, сидя в беседке, Фахрия играла на гитаре. Мы с Асьмой незаметно для Фахрии стояли чуть поодаль и слушали. В звуках гитары был слышен плач золотогосых ангелов; в этом плаче соединялись грусть и жизнь. И этот плач находил отклик в карих глазах Фахрии, наполненных тоской, бессилием и усталостью от жизни. Кто знает, может быть, эта гитара и эти глаза тосковали, предчувствуя нынешнюю безжизненность и разруху. Но в благодати вечерних сумерек мы с Асьмой не думали об этом и с нежностью и любовью смотрели на стоящую перед нами беседку...

С чувством потерянности я пошёл от беседки:

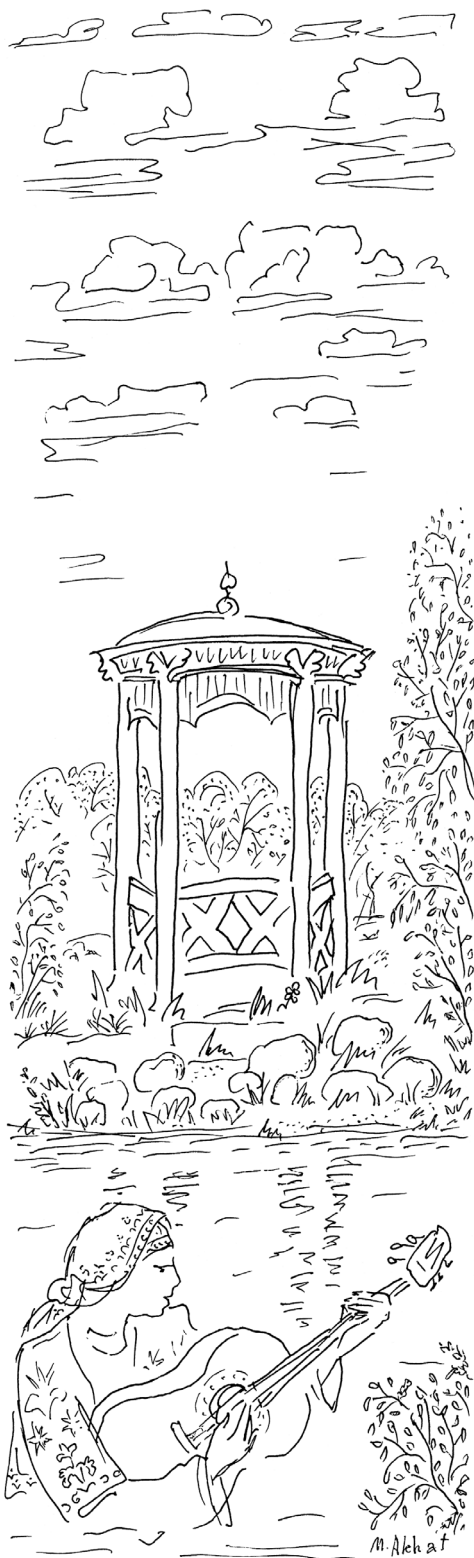
– Да, всё кончено!

Я почувствовал, как защемило сердце, захотел плакать от тоски по тем наполненным жизнью временам, закричать: «Куда же вы, подевались, эти?..»

Но я почувствовал стеснение перед стоящей позади меня старухой с бельмом на глазу. Мне стало не по себе. «Что нужно этому призраку здешних развалин?», – подумал я про себя и, повернувшись к старухе, спросил:

– Что случилось с этим домом? Куда делись жившие здесь люди? Где Фахрия? Где Асьма?

Старуха посмотрела на меня своими безобразными глазами и, словно опа-

саясь чего-то, кивнула подбородком в сторону и нехотя произнесла:

– Вон там давно уже лежит Асьма.

Смысл этих слов стал мне понятен не сразу: я вспомнил, что в той стороне, куда она показала, находится старое городское кладбище.

Слова старухи не стали для меня неожиданностью. Из произнесённых плачущим, дрожащим голосом слов Сулеймана-абый я уже догадался об их проклятом смысле. Но эти слова, этот её жест были страшны. Страх от этого проникал в сердце и болью отзывался в душе. Я непроизвольно нахмурился, мне стало не по себе от этой старухи, заброшенного сада, беседки и самого себя.

С ужасом я ещё раз взглянул на место, некогда бывшее сердцем сада, и зашагал к калитке. Это место представилось мне кишашими ядовитыми змеями в непроходимых лесах Америки, в которых заблудившиеся люди гибнут от их яда.

– А Фахрия? – спросил я у старухи.

Она промолчала. Пройдя немного, произнесла:

– Каждый четверг призрак Асьмы приходит к нам во двор, стучится в окна, порой громко смеётся, порой – сердится...

От этих источающих яд слов я чуть было не закричал: «Будь ты проклята, ведьма!»

Призрак Асьмы?.. Нет, это всё ложь! Даже если все люди мира заявят мне это, я не поверю. Мерзкие люди, не лгите! Выдумали тоже: призрак Асьмы! Разве ангелы бывают призраками? Златовласая, голубоглазая, подобная ангелу Асьма, с которой мы сидели на этой вот самой скамье... Вы клеветеете, зная, что она умерла и не может ответить вам!

Я поспешил покинуть этот страшный сад, эту страшную, источавшую яд старуху. Вороны проводили меня своим карканьем. Сад вновь погрузился в свой таинственный страшный мир, слышался треск падающих жердей изгороди. Заброшенный колодец, старые разрушенные амбары, сараи, парадная, где завелась бичура, проводили меня леденящими душу, полными безнадёжности звуками. Старуха, злобно кашляя, со скрежетом закрыла за мной тяжёлые ворота. Боясь оглянуться, я опрометью бросился на другую сторону улицы:

– Проклинаю тебя, жизнь! Вначале обманываешь, потом – насмехаешься!

*Перевёл с татарского
Марсель Ибрагимов*

